

Собеседник

Гуро Екатерина Генриховна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 19 февраля 1970 и опубликована 31 января 2019.

Введение

«Я в смерть абсолютно не верю», — такими словами начинает 96-летняя Екатерина Гуро свою четвертую беседу с Виктором Дувакиным. В этих словах чувствуется необычный и парадоксальный взгляд на жизнь сестры поэтессы-футуристки Елены Гуро, умершей почти за шестьдесят лет до этой встречи. Интуитивное восприятие событий и людей, свойственное Екатерине Гуро, накладывает свой отпечаток на ее воспоминания: перед нами возникают лишь тени известных личностей — Хлебникова, Ленина, Мартова, Кропоткина, — но несмотря на это иногда вдруг проявляются их черты, сохранившиеся в памяти писательницы. Эта последняя беседа посвящена ее воспоминаниям о Владимире Ленине, с которым Гуро в 1890-е годы встречалась в семье Юлия Мартова, а затем — в Швейцарии.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Ну так вот, Екатерина Генриховна, ну, вроде мы с вами спорили-спорили и договорились, что сейчас, начиная ваш творческий вечер, я вам предоставляю возможность говорить, что вы хотите. Вы хотите сказать наизусть какое-то произведение, которое у вас сложилось в голове, но вы не имели сил и возможности его записать. Так я вас понял? Правильно?

Екатерина Генриховна Гуро: Даже я не знаю, будет ли это произведение или это...

В. Д.: ...или это будет просто разговор.

Е. Г.: Может быть, может быть. Вот, значит, название такое: «Разговор о бессмертии». Хотела бы очень, чтобы после моей так называемой смерти от меня остались два слова. Первое: верю в добро как в особую энергию... особый вид энергии...

(Провал в записи.)

В. Д.: С чего начать?

Е. Г.: Я не знаю, в каком месте это надо поставить: что я в смерть абсолютно не верю. Надо бы знать, как и откуда явились органы (?) и как они нужны в настоящее время. *(Все время щелкает магнитофон.)*

В. Д.: Ну, Екатерина Генриховна (это я уж для магнитофона говорю), раз уж не получилась у нас запись, а я не получил в записи... получил мало материала о Хлебникове, я уж за вас сам прочитаю вот лежащий передо мной листочек, который называется «Из воспоминаний о Хлебникове и его времени». Вот. Вы сами его прочитать не сможете, потому что мелкий шрифт. *(Начинает читать.)*

«Из воспоминаний о В. Хлебникове и его времени.

Подходя к футуристам, будетлянам, как они себя называли, надо прежде всего помнить одно: они были — необходимое священное право каждой пятнице следовать за четвергом и стоять перед воскресеньем: история».

Е. Г.: Вот получается немножко неверно. Подходя к ним, надо помнить прежде всего только одно: они были — и больше ничего, они были, а у вас еще сказано... как там дальше?

В. Д.: Нет, «они были» у вас подчеркнуто.

Е. Г.: Да.

В. Д.: Дальше тире «...необходимое священное право каждой пятнице следовать за четвергом»...

Е. Г.: А-а-а-а!

В. Д.: «...и стоять перед воскресеньем»...

Е. Г.: Да, да, верно, это правильно, правильно.

В. Д.: Да. И потом две точки — «история». Да, вот, это очень верно.

Е. Г.: Верно.

В. Д.: Я абсолютно понимаю конструкцию этой фразы. *(Продолжает читать.)* «История своих детей не теряет и не забрасывает».

Е. Г.: Правильно.

В. Д.: «Они живут и сейчас, продолжают просовывать свои щупальца во все, что движется и нарастает, и потому сейчас хочется вспомнить, понять, что же заставляло тогда останавливаться и приглядываться, несмотря, а может быть, именно в связи с огромными событиями, которые стучались в привычно тесное. И никакого противоречия и взаимного отталкивания между правдой жизни и поисками правды в своем мастерстве не ощущалось»... *(Простите, тут (вглядывается в текст), да, очевидно, «в своем мастерстве»,*

тут буква «эр», ну, это ошибка.) «Не ощущалось и не было. Помню, как в неизбежном улюлюканье тех, кто вообще терял место в жизни, кто-то на выставке сказал про татлинские исковерканные предметы, кажется, столы и стулья: „Так это ж он, Татлин. Что говорит? Ты, говорит, сегодняшний мир таков, таков, что тебя давно бы надо исковеркать“. И рядом с улюлюканьем одобрительный смех». (*Обращается к Гуро.*) То есть я понял эту фразу так, что Татлин коверкает мир, а какой-то обыватель, значит, говорит, что исковеркать надо Татлина. Так? Правильно я понял?

Е. Г.: Не понимаю... Нет, я не понимаю...

В. Д.: Тут такая фраза: «Так это ж он, Татлин. Что говорит? Ты, говорит, сегодняшний мир таков, что тебя давно надо исковеркать». (*Усмехается.*) Значит, мир надо...

Е. Г.: Что его надо выбросить там, лишний <нрзб> у меня смысл был.

В. Д. (*продолжает читать*): «...И рядом с улюлюканьем был одобрительный смех. А про лесенку из сереньких щепочек, наклеенную поверх картины, кажется, того же Татлина, говорилось: „Интересно, точно вспоминается что-то хорошее, из детства: велико было желание видеть по-новому и не быть принудительно нормальным из страха, вообще какого-нибудь страха“.

Публика на выставках вообще состояла из трех слоев: свои, враги и ищущие. Их было большинство. Были и передержки, и уродливости, неизменный „вклад“ примазывавшихся; их не принято было высмеивать и принижать — время покажет. Между своими законом была дружба и непримиримая требовательность взаимных оценок. Поэт-футурист К...» (*Обращается к Гуро.*) Очевидно, Крученых?

Е. Г.: Да.

В. Д.: «...сказал как-то писательнице и художнице Елене Гуро: „Ваша книжка «Шарманка» — проститутка“. А она до того была полна прибором новым и своей ответственностью перед ним, что даже не очень огорчилась, пожала плечами, грустно, говорит: „Стараюсь“. А тем, кому прежде всего нужно, и теперь тоже, кого-то уличить, уменьшить, отодвинуть, чтобы лучше зацепиться за кусок, следовало бы знать, что подпольная переписка нашей советской революции шла на спокойный адрес придворного скрипача Михаила Матюшина, мужа Елены Гуро». (*Обращается к Гуро.*) Вот факт, который вы не сообщили мне, я не знал. (*Продолжает читать.*) «Оркестр играл неизменно на царских обедах, а помещик С...» (*Обращается к Гуро.*) Вы не помните его фамилию?

Е. Г.: Нет, не помню.

В. Д.: «...В собственных санях перевозил в Петербург тюки подпольной литературы через границу с Финляндией около Териок. Веселое и дерзкое очень было своим. Поветрие предвесеннее, обязательное, может быть, для всех революционных периодов, короткие именины среднего усталого человека».

Е. Г.: Вот это, да, помню-помню.

В. Д.: «Новому и дерзкому в жизни часто везет. Как это могло случиться, что удалось снять, заполучить Мариинский государственный театр в Петербурге для постановки оперы Михаила Матюшина «Победа над солнцем». Я не принимала участия в организационных делах, и их размах казался мне преувеличенным. Но опять же он же, размах, был. Как-то собрались деньги, кто-то смастерил необычайные декорации, освещение, откуда-то взялся оркестр. Он грохотал, влетал в действие сцены, падал, и снова накапливался где-то в углах. Костюмов не было. Ежедневные пиджаки и юбки своей несомненностью делали все на сцене вероятным. Именно так оно и получается в сказках Гофмана, имевших несомненное влияние на футуристов». (Очень интересная мысль, что Гофман и футуристы). «Сказочность добра в трудные для человечества минуты. Вся опера вообще — грохот. Какие-то огромные полосы света со сцены в зал и обратно. Полосы были такие основательные, вещественные, точно на них можно было облокотиться». «Облокотиться на полосы света» — это хорошо. «Мы с Еленой Гуро обе в то время болели. Нас привезли и увезли домой в карете. И улица через окна была совсем не та, что на сцене, вся загроможденная непонятными углами и поворотами. Было невероятно, но радовало. И спускать ноги

из кареты на тротуар было очень странно. Неужели так просто и не опасно?

В несколько необычной квартире на Песочной, сдвоенной, выходящей на две улицы и в большой сад, среди многих других бывал и Велимир Хлебников.

” Я его видела мало. Основное впечатление — отдельность, непохожесть, точно он окружен стенкой другого воздуха и немного удивлен или к чему-то прислушивается.

И еще: точно не совсем помещается в комнате»...

Е. Г.: Точно не совсем?

В. Д. (*повторяет*): «Точно не совсем помещается в комнате».

Е. Г.: А-а-а! Это хорошо.

В. Д.: «Такое же „не помещается“ было и у Маяковского. Но у Хлебникова оно было очень доброе и несколько неуклюжее. И еще. Доброму будет трудно, но это все было в комнате среди людей — непохоже. В своей работе, в поисках слова, единственного, он» (то есть Хлебников, очевидно) «был неприступен. В его стихах, так казалось мне, никогда не было нарочитых вывертов, чтобы ошарашить, подкупить».

Е. Г.: Никогда не было чего?

В. Д. (*повторяет*): «В его стихах, так казалось мне, никогда не было нарочитых вывертов, чтобы ошарашить, подкупить».

Е. Г.: Правильно, правильно.

В. Д.: «Просто все слова-окружение оказывались ненастоящими и отбрасывались, и отбрасывались». (Два раза «отбрасывались».) «Почти каждое стихотворение получалось рядом искр, которые хотелось остановить, раздвинуть и закрепить, чтобы еще к ним вернуться. Но они уже сдвинулись, напор новых, а у читателя почти неизбежное чувство неудовлетворенности, усталости, надоедного бессилия получить то, что уже держишь в руках. Нет больше чтения, и искры опять потянут. Но что же делать хозяину алладиновой лампы и его мудрому наставнику? Живые существа — слова, образы, вызванные из самых глубоких тайников человеческой силы, и вот надвигаются, как лавина, как приказание. Гнать, выбрасывать, уничтожить из-за неудобств сегодняшнего дня, уничтожить живое, может быть, драгоценное для бионики, например, для изучения процессов творчества? А что если эти процессы — основа всех и всяческих завоеваний? Екатерина Низен (Гуро). 14 марта 1965 года». Собственноручная подпись ее.

Е. Г.: Да, я...

В. Д.: Вы целиком подтверждаете это сейчас?

Е. Г.: Возможно, что я сейчас не написала бы так, как... теперь, потому что я немножечко уже выцвела, у меня, может быть, силы нету для таких... Это довольно сильно сказано было.

В. Д.: Хорошо написано.

Е. Г.: Вот. Поэтому, может быть... Только это не в мою пользу, но в пользу самой вещи уже действительно, это очень правильно, по сути, по мысли это абсолютно правильно, и я целиком подписываюсь, конечно.

В. Д.: И это хорошо написано. Значит, это вы написали в 65-м году, в девяносто лет. Ну какая же у вас все-таки большая сила есть литературная, если вы в девяносто лет так писали! Очень хорошо. Потому мне и хочется побольше из вас вытащить (*Усмехается*.)

О встречах с Лениным

Ну что ж, Екатерина Генриховна, а теперь давайте опять вспоминать юность. Как вам?.. Вы вскользь, одной фразой сказали, что вы...

Е. Г.: Что?

В. Д.: Вы одной фразой только сказали, что вы (у Цедербаумов, очевидно?) встречались с Лениным и спорили с ним?

Е. Г.: Что?

В. Д.: Вы одной фразой в прошлой записи упомянули о том, что на квартире Цедербаумов, с которыми вы познакомились случайно и очень сблизились, вы встречались с Лениным и очень спорили с ним.

(Гуро пытается расслышать вопрос, несколько раз переспрашивает, Дувакин несколько раз повторяет вопрос.)

Е. Г.: А! Да-да-да, мы же вместе обедали много времени, так что если б это было интересно, то я могла больше описать.

В. Д.: Ну вот расскажите немножко. Вероятно, Институт Ленина этим не заинтересуется...

Е. Г.: Я не знаю, где и когда они познакомились, Мартов... Мартов (это был Цедербаум)...

В. Д.: Да-да.

Е. Г.: ...вот, значит, Мартов и Ленин, не знаю, но когда они познакомились, то они были очень дружны.

В. Д.: Очень дружны. Чтоб вас в этом смысле успокоить, что это правда, так сказать, что тут нет никакого исторического расхождения, я вам процитирую Горького. Горький написал, как известно, после смерти Ленина воспоминания, и там он... есть такое место. Я вам наизусть почти точно цитирую, что Ленин был, так сказать, непримирим в идейных разногласиях, но сохранял личное уважение и симпатию к некоторым людям даже когда они оказывались в другом лагере. И он, в частности, приводит, Горький, такую фразу Ленина: «Жаль, Мартова нет с нами. Чудной души человек!» Вот это, согласно свидетельству Горького, Ленин сказал в его присутствии... ну, так... в 20-м году.

Е. Г.: Подписываюсь под этим...

В. Д.: Ну вот, а теперь вы забудьте о всем постороннем... Институт Ленина вряд ли стал бы интересоваться, в частности, отношениями Ленина с Мартовым, но это их дело, а лишнего... так сказать *(усмехается)*, чтобы это не пропало совсем, вот расскажите мне сейчас... Вот вы обедали с Лениным, вообще, о семье Мартовых, кто там был, о самом Мартове. Это интересно. Они... вы совершенно правы, они в то время были дружны. Ну, и расскажите, что вы помните, какие были споры, в чем вы сами участвовали.

Е. Г.: Значит, вам интересны отношения между Мартовым и Лениным?

В. Д.: Да. И вообще всё... и ваше там участие — все вместе. Вся картина... живую картину дайте. *(Гуро выражает какое-то сомнение.)* Нет-нет, вы совершенно снимите все, что было после этого. Вспомните, как вы это тогда воспринимали. Какой был Ленин молодой?.. Даже чудно. *(Усмехается.)* Это в 90-х годах было, да?

Е. Г.: Это что?

В. Д.: Это было в 90-е годы, да?

Е. Г.: Должно быть. У меня никакого соотношения с годами никогда не было, так что я не могу вам сказать, что это совсем недавно, а это было очень давно.

В. Д.: Да. Ну, это Ленин уже после ссылки. Это период первого...

Юлий Мартов (Цедербаум). 1892 г. Источник: commons.wikimedia.org

Е. Г.: Я уже говорила, Ленин ведь он каждый день обедал у Мартова. Когда выпускали их из тюрьмы, то, значит, каждому... им было назначено, куда ехать. Но дело в том, что несколько таких... ну, несколько дней, что ли, им всегда оставляли, ну, вроде как... не знаю, для покупок или для чего... оставляли, и вот, значит...

В. Д.: Что оставляли?

(Дувакин несколько раз переспрашивает, что им оставляли.)

Е. Г.: Оставляли просто время, время. Ведь могло бы быть так. Человек... объявляют, что ваше пребывание... Ведь вы же знаете, конечно, что они все сидели в доме предварительного заключения...

В. Д.: Нет, не знаю.

Е. Г.: Ну вот. И когда им объявляют, что их срок кончился, то возможно же было, что их моментально сажали и куда-то перевозили. Почему, я не знаю, но этого не было. Так что когда им объявляли, то оставалось некоторое время, в которое они могли перед поездкой повидаться с людьми очень близкими.

В. Д.: Так...

Е. Г.: Но надо помнить, что у Ульянова... он волжанин, с Волги, и у него в этом... как это называется... тут, в Москве, решительно ничего и никого не было. А у Мартова наоборот, у Мартова могли быть. Ведь он же из богатой еврейской семьи, и, значит, у него можно было вот ночевать и там все, что угодно. И вот Ленин там так и жил.

В. Д.: Простите, я вас переспрошу. Переспрошу тут вот, правильно ли я понял, повторю начало. Значит, вы отмечаете, что после... Их сначала держали в доме предварительного заключения. Потом какое-то решение: другая тюрьма или высылка. Так им администрация говорила об этом немножко заблаговременно... Так? Немножко раньше. И давала им возможность бывать в городе? Так?

Е. Г.: Не говорила... Нет.

В. Д.: Вот каким образом из тюрьмы он попадал к Мартову, я не понимаю?

Е. Г.: Сейчас. Как же это на самом деле было? По-моему, дело было так. Что вот когда кончался срок, то им просто говорили: «Свободны. Уходите». Я помню себя-то, когда мой срок кончился и надо... Мне сказали, что «свободна, уходите», — что я сделала? Я свернула в пакетик то, что на мне было, там какую-нибудь рубашку, панталоны или что и с этим вышла на улицу.

” Но тут вот у меня вышла какая-то... я не знаю... хорошее было наитие, что мне очень захотелось сейчас сняться, непосредственно вот после того, как я вышла из тюрьмы, сняться, и я зашла в фотографию, которая была одна из лучших фотографий московских, и там снялась.

В. Д.: И эта фотография цела?

Е. Г.: Цела, да.

В. Д.: Как интересно!

Е. Г.: Фотография цела. Видите ли, она, вообще, не так, может быть, как вы ее представили, что она была во всем тюремном одеянии. Нет-нет-нет-нет. А дело в том, что в тюрьме от нечего делать я вышивала. Я вообще никогда дамскими занятиями не занималась, но тут я вышивала и вышила себе рубашку. И вот, значит, с такими рукавами, большое, большое, у меня так было: тут плотно сидела, потом отсюда вот такой широкий рукав и с широкими...

В. Д.: Украинского типа, да?

Е. Г.: Не знаю. Я думаю, собственной выдумки.

В. Д.: Собственной выдумки, да?

Е. Г.: Собственной. Но в некоторой степени, может быть. И вот, значит, и это вот у меня была, что я вышила, у меня осталась.

В. Д.: Так. Но вернемся к Ленину. Значит, Ленин после выхода из тюрьмы пришел к Мартову, так я вас понимаю?

Е. Г.: Что Ленин?

В. Д.: Выйдя из тюрьмы, пришел к Мартову?

Е. Г.: Вот-вот-вот, и жил в семье Цедербаумов. Это я прямо... не знаю... не могу... я не понимаю, чтобы я могла ошибиться.

В. Д.: Вы это утверждаете точно?

Е. Г.: Считаю абсолютно точно, что Ленин жил там, у Мартова. А Мартов жил в своей семье. А семья его состояла так: из отца мартовского, который, значит, довольно любопытный старик... Что о нем сказать?

” Одним словом, он как-то просаживал деньги, и у них постоянно бывало, у Мартова, что у них комната была пустая совершенно — все продано до последней нитки.

Оставался всегда какой-то такой чемодан, на который мы, которые приходили к ним в гости, усаживались чуть ли не друг на друге на этом чемодане и вот, значит, таким образом проходил вечер. И кто-нибудь из нас, вот тоже самое говорил стихи или что-нибудь. Но это, одним словом, все было без особой такой... не знаю даже, как сказать. Если бы я хотела, то я бы смогла день описать, может, что-нибудь получилось бы, может, и ничего бы не получилось. А меня с этими... Цедербаумами, связывало... что меня больше всего связывало?

В. Д.: У него сестра была. Вы ее не знаете?

Е. Г.: Что?

В. Д.: Сестра у... вот у Юлия Осиповича...

Е. Г.: Чья? Мартова?

В. Д.: Да.

Е. Г.: Так была целая семья. И вот мне больше всего, дороже всего были две маленькие девчонки. Одна из них была... не помню... одна из них, кажется, Женя была, другая — не помню, какая. И вот у меня сразу... вообще, у меня с детьми всегда были сразу хорошие какие-то отношения, а с теми я как-то, не знаю, не могла сразу сойтись, и вот меня как-то...

” Одним словом, у меня общее впечатление такое, что мне очень хотелось быть там все время, пока там бывал Ленин, и они вместе с Мартовым говорили что-нибудь такое.

Но у меня другого как будто способа проникнуть туда не было, как только через этих малюток (?)... Женя и... как ее звали? Нюра — не Нюра?.. Одним словом, старшую сестру, она года на два старше Жени¹.

¹ Помимо Евгении (1892—1979), у Мартова были сестры Надежда (1875—1923), Лидия (1878—1963) и Маргарита (1889 — после 1931).

В. Д.: А Женя жива.

Е. Г.: А Женя, вот, не знаю, жива ли.

В. Д.: Жива, жива, она у меня записана.

Е. Г.: Откуда вы знаете?

В. Д.: Я ее записывал².

² Дувакин записывал ее Евгению Осиповну Яхнину (Цедербаум) дважды. Один раз до этого, в августе 1968 г., а второй раз после — в феврале 1977 г. См. ОУИ НБ МГУ ед. хр. 66 и 597.

Е. Г.: А-а-а! Ей сейчас? У меня есть...

В. Д.: Ей семьдесят семь лет...

Е. Г.: Сколько?

В. Д.: Семьдесят восемь лет ей. Значит, она как раз была девчонкой. Правильно, все сходится, Евгения Осиповна. Это переводчица, советская переводчица Яхнина, и дочь у нее переводчица, которая тоже очень хорошая переводчица. Она у меня училась на филологическом факультете, дочь, конечно. Я был у дочери, выяснил, что мать, и стал записывать ее. А она Маяковского встречала, потом. Так. А Ленин вас с какой стороны интересовал?

Е. Г.: Ленин что?

В. Д.: А Ленин вас чем интересовал в то время? Вы вообще политикой самой, вот этими спорами... вы, вообще, активно интересовались?

Е. Г.: Я знаю, что все, касающееся революции, и мнение об этом отдельных людей и их самих меня интересовало в высшей мере, но почему-то никакого контакта с Лениным у меня не получилось. Мне он не понравился. Если честно, вот ни с того ни с сего мне не понравился.

В. Д.: А почему же тогда вы говорите, что вы всячески старались быть, когда там Ленин?

Е. Г.: Так не к нему, пожалуй, даже, может быть, к Мартову больше, чем к Ленину, потому <нрзб>. Я всю свою жизнь <нрзб>, и я ни одной секунды не жалела, я чувствовала себя <нрзб> все время, пока я была в подполье, голодала невероятно, но все-таки я скажу, что у меня за всю жизнь не было такого великолепного настроения. И вот ввиду всего этого мне как-то хотелось... а так как они для меня были крупные величины, Ленин и Мартов, то, значит, мне как будто хотелось как можно ближе... и вот я все-таки... все обеды я ходила... меня обязательно там... Я была своей у Цедербаумов, в семье, я была абсолютно своим человеком. Очень милая была мать и все они...

В. Д.: Как мать звали?

Е. Г.: Знаю, знаю, но сейчас не помню.

В. Д.: Забыли. Он Юлий Осипович?

Е. Г.: Его, да, совершенно верно.

В. Д.: Юлий Осипович Цедербаум.

Е. Г.: Юлий Осипович Цедербаум. А... И у него было две сестры только, а брата не было?

Е. Г.: Нет, сестер, по-моему, у него никаких не было.

В. Д.: Вы говорите две маленьких сестренки.

Е. Г.: Ах, вот это, да, маленьких, так они еще были на таком возрасте, что...

В. Д.: А еще не было братьев и сестер?

Е. Г.: А, братьев?.. Был один такой Моня (?). Это был типичный спекулянт, и³...

³ У Мартова было трое братьев: Мориц (?—?; умер в молодости от болезни сердца), Сергей (1879—1939) и Владимир (1883—1938), двое последних были деятелями меньшевистского движения.

В. Д. (*удивленно*): Спекулянт?

Е. Г.: Самый настоящий. И вот это все время мне казалось странным. Ужасно странно делилось, что вот в их семье как будто так резко либо спекулянты, такое дрянцо-дрянце, по существу, как мне показался этот Моня, или, значит, вот, революционеры. И мне почему-то показалось, что это же закономерно, тогда, когда я с ними всеми знакомилась я, конечно, на этого Моню никакого внимания не обращала. Если бы он тут стоял, так я бы не знаю... ничего бы. Но опять же никакого шума бы не поднимала. Я не знаю даже, трудно все это рассказать.

В. Д.: Вы говорите: богато довольно жили, но почему-то вдруг оставался без денег. Он что, картежник был, что ли?

Е. Г.: Простите, я вас не слышу.

В. Д.: Я не понял. Вы сказали, что богатая еврейская семья...

Е. Г.: Да-да-да.

В. Д.: И в то же время сказали, что временами в квартире вдруг не было ничего. Он что, играл в карты или на скачках играл?

Е. Г.: Вот что-нибудь в этом роде, но я не помню, где он играл, но я знаю, что об этом все умалчивали и ему никто в вину не ставил, что... Вообще, было смешно: этого самого старика, он не старик, может, был, его, кажется <нрзб>, и уже об нем никто не говорил и никому он не был интересен.

В. Д.: А, значит, господствовала молодежь революционная, да?

Е. Г.: Да-да-да-да-да-да!

В. Д.: И за этим же столом, где сидела вся семья и сидели вы, как свой человек, сидел и Владимир Ильич Ульянов?

Е. Г.: Да. Да-да-да, обязательно-обязательно.

В. Д.: И он что, жил у них некоторое время?

Е. Г.: По-моему, он там и ночевал, и всё — одним словом, он жил как у себя дома, благодаря своей большой дружбе с Мартовым и благодаря тому, что, очевидно... ну, я не знаю даже... Теперь мне уже трудно в этом разобраться, но только для меня так просто если взять, что пятном таким, то для меня ясно все, и ничего противоречивого я тут не чувствую. Совершенно напротив — не могло быть иначе. Они с Мартовым <нрзб> ужинать, все вместе, всегда все вместе: мать революционера, настоящий революционер, если сравнить его и Ленина в то время, я бы сказала, что куда Мартов интереснее, что в смысле этого... революционности.

 Для меня лично это вот было что-то очень интересное, очень нужное, нужное, необходимое. А Ленин — скорее проходное что-то.

В. Д.: Чем он вам не понравился?

Е. Г.: Ах, не понравилось?

В. Д.: Какие черты?

Е. Г.: Вот, вот. Это вот самое интересное. Вот, пожалуй, знаете что. Абсолютное ясное ощущение: человек делает карьеру.

В. Д.: Так? Это совсем странно, да.

Е. Г.: В то время еще был какой-то француз, очень интересный, и я их всегда сравнивала. Когда я говорила, что мне Ленин не нравится, то я всегда говорила: «Да ведь это...» — и вот вспоминала этого французца, то есть просто человек, государственный человек, который интересуется этим, вот всей этой государственностью и всё, а какой это там... Одним словом, понимаете, это два мира, совершенно два мира. Один — это те, которые мне известны... ради чего я ушла из дому, так, конечно, не ради того... смешно. Ведь когда я уходила из дому, то у меня, значит, было так: был рояль... я очень любила, ужасно любила музыку...

В. Д.: Так, немножко погромче, если можно.

Е. Г.: Значит, был рояль, потом была... что было?

В. Д.: Ну, была обстановка. Лошадь была верховая.

Е. Г.: Была у меня верховая лошадь. Мой отец очень любил верховую езду, и он очень... и во мне он тоже это любил. И вот такое, значит...

В. Д.: И вот вы ушли. Ради чего и из-за чего?

Е. Г. (посмеивается): Как это все трудно сказать! Я не знаю. Это как волна подхватила. Тут выхода не было как будто...

В. Д.: Вы хотели людям служить?..

Е. Г.: Возможно. Возможно. Я знаю, что одно во мне... в детстве, пожалуй, самое сильное была какая-то жалость. Я вот, например, помню одно, как я... как сумасшедшая, и как она, эта женщина, поджидала его у входа в дверь, в двери, держа топор в руке. И вот, значит, все это меня так поразило и настолько было мое, что я отлично помню, как я кричала прямо, кричала: «Почему не мне?! Почему не мне?!» То есть вот весь ужас, который эта женщина пережила и как она... «Почему мне это не дано было, я бы с этим справилась» <нрзб>. А вот она мучилась. Вот такое у меня было чувство. Вот так я, когда буду писать свой дневник, если я буду, то у меня будет обязательно кусочек, который будет называться «Почему не мне?»

В. Д.: И в той среде, какая окружала Мартова, Цедербаума, Юлия Осиповича, вы что же, нашли ту атмосферу, которая вам нужна была? Или нет?

Е. Г.: Нет. Я не успела там ничего найти, потому что это были короткие минутки встречи. С моей стороны какого-нибудь влечения или... не знаю, как сказать, с их стороны (*усмехается*) — они меня не заметили просто.

В. Д.: То есть они вас просто не заметили.

Е. Г.: Мне это не было обидно нисколько, мне казалось, что, наверное, так и нужно.

В. Д.: Но как же могло быть, если вы говорите, что вас не заметили, а вы говорили, что вы о чем-то... помните, что вы о чем-то спорили с Лениным. Вот тут некоторое противоречие: вы говорите, что вас даже, собственно, почти не замечали, а вместе с тем вы сказали, что вы о чем-то спорили с Лениным.

Е. Г.: А-а-а!

В. Д.: Значит, вы все-таки активной фигурой были? А о чем спорили, не помните?

Е. Г.: Очень ясно, очень ясно.

В. Д.: Ну, расскажите.

Е. Г.: Ну, это самое главное, что я очень обрадовалась, что... <нрзб> то потом уже было, не тогда, когда они вышли. Когда они вышли, я была <нрзб>, больше ничего. А потом уже было дело в этом... как это называется... не в Женеве... как это называлось? Женевское море или?..

В. Д.: Женевское озеро.

Е. Г.: Женевское озеро. Там был такой... как сказать... дом... ну, одним словом, ну, обыкновенный... Мон... Мон... местечко Монтре, и вот в этом Монтре, там жила и я, и вот в этом Монтре... Что-то я не знаю, почему я сюда перескочила? Но это уже было абсолютно...

В. Д.: Почему? Потому что я вас спросил, что вы спорили с Лениным. Я говорю: где же и как это могли быть?

Е. Г.: Да. Погодите, погодите...

(Магнитофон выключается на время.)

В. Д.: Значит, вы спорили с Лениным в Москве или в Женеве?

Е. Г.: В Москве, в Москве...

В. Д.: В Москве? Это вы перескочили...

Е. Г.: Это, вероятно, было так...

В. Д.: А о чем спорили?

В. И. Ленин незадолго до эмиграции в Женеву. 1900 г. Источник: ru.wikipedia.org

Е. Г.: Погодите, вот это мне самой неясно. А не могло быть, что Ленин сам был в где-то Женеве?

В. Д.: Мог, вполне. Как же! Ленин жил в Женеве, только, вот, в 90-х ли годах, это я не знаю.

Е. Г.: А-а-а! Вот тогда, может быть, я уже перепутала. Там это просто я обедала, сидела за столом, и больше ничего, и не посмела бы даже слова сказать. А в Монтре я уже себя чувствовала уже с большой буквы, я уже много работала, с рабочими встречалась, и что меня ужасно... прямо приводило в исступление — это то, что ведь эти маленькие, тоненькие газеты «Искра», что ведь сколько они стоили революции, сколько людей погибало из-за них, как они... Всё... А что они давали? Ведь если бы теперь... Ой, как я бы хотела... ей-богу, я бы написала злущее что-нибудь...

Первый номер газеты «Искра». Источник: commons.wikimedia.org

В. Д.: А что-то? Я не понимаю. Подлежащее?

Е. Г.: Если бы я могла прочесть сейчас это все, так ведь, знаете тонюсеньких и так дорого стоящих живым людям... О чем же там был разговор? А там был все время разговор, спор о правильности или неправильности мнений... как его звали-то? Сию секунду я это помнила и сию секунду забыла, забыла...

В. Д.: Бернштейн? Ревизиониста?

Е. Г.: Бернштейна? Нет, покрупнее. Там просто... Я думаю, что я вспомню. Я только что сейчас вспомнила это и сейчас же, тут же на месте забыла (*усмехается*).

В. Д.: Так, Екатерина Генриховна, значит вы... ваши... предмет вашего спора с Лениным был тот, что вы не были удовлетворены содержанием газеты «Искра»?

Е. Г.: Да.

В. Д.: И вы Ленину высказывали это?

Е. Г.: Не поняла.

В. Д.: Вы высказывали Ленину, если я вас верно понял...

Е. Г.: Да-да-да-да-да.

В. Д.: ...что вы не удовлетворены содержанием газеты «Искра»?

Е. Г.: Да. Что это не нужно и никому не интересно, тем, кто действительно... Рабочим. Одним словом, я себя глупо чувствовала. Вот когда я... Помню, что я была в квартирах рабочих... Ой, если бы вы знали, в какой нищете жили! Вот такая, скажем, комната...

В. Д.: Это вы рассказывали.

Е. Г.: Я рассказывала?

В. Д.: Да.

Е. Г.: Может быть.

В. Д.: В прошлый раз.

Е. Г.: Так вот, значит, и вот в такой атмосфере читать про то, что... какой возмутительный этот самый...

В. Д.: Кого же обсуждали там, в «Искре», не помните? Вы возмущались. Кого там обсуждали, в «Искре», вы не помните?

Е. Г.: Не понимаю.

В. Д.: О ком, о ком в «Искре» писали, что вас возмущало?

Е. Г.: Я писала?

В. Д.: Нет, вы возмущались, что в «Искре», которая стоит так дорого революционерам, пишут, с вашей точки зрения, о несущественном. Так я вас понимаю, да?

Е. Г. (задумчиво): Не знаю...

В. Д.: Вот какие-то споры по поводу кого-то, а кого — вы не могли вспомнить.

Е. Г.: А мне показалось иначе... мне показалось, какой же это был человек, уже прямо с отрицанием, определенно отрицанием к Ленину... Видите, мне сейчас довольно трудно сообразить <нрзб>, но, во всяком случае, когда-то за этот весь период образовалось такое очень твердое мнение, что это был... что Ленин делал переворот так, как сделал его... вот забыла этого француза, который там...

В. Д.: Робеспьер?

(Гуро не слышит, Дувакин несколько раз переспрашивает.)

Е. Г.: Нет, раньше, французский...

В. Д.: Ах, этот самый... Бабеф? Бланки? Бланки?

Е. Г.: Бланки? Нет. Бланки был бы лучше. Бланки революционер...

В. Д.: Бабеф? Что, французских заговорщиков вы вспоминаете?

Е. Г.: Нет, это было бы лучше.... Удачливый переворот. Тогда, значит, в газетах много писали об удачливом перевороте, который сделал какой-то француз и благодаря которому будто бы вся... не вся Франция, но очень многие буквально... интеллигенция, она как-то выпрямилась. Это было, конечно, абсолютно ничего революционного. Это был просто переворот.

В. Д.: Это вы вспоминаете то время, когда вы встречались с Лениным? Но тогда кто во Франции был? Буланже? Гамбетта? Вы их имеете в виду? При чем тут Ленин?

Е. Г.: Если бы я могла это посмотреть, я бы нашла... Так вот я скажу. Во-первых, значит все, что я здесь сейчас говорю, это относится к Монтре, то есть к Женеве и моему пребыванию в Женеве. Оно совершенно

не относится к тому времени. К тому времени, я думаю, что я видела Ленина за обедом, заметила его физиономию, и больше ничего. Я думаю, что в то время я не подумала об нем ни одной минуты, ни плохого, ни хорошего. Просто я слишком чувствовала себя маленькой, ничтожной, вот я сижу за столом общим — и больше ничего. Так что это все потом. С этой самой бумажкой, называемой «Искрой», я ведь пошла к рабочим, и вот тут-то и началось то, что я почувствовала ясно, что ничем все это не интересно. Это было для меня ясно как божий день — да ведь это всем неинтересно. Я бы очень хотела номера «Искры» того времени и как бы я теперь почувствовала, правда, что им было не интересно. Вот еще у меня осталось впечатление от Ленина, именно что он сделал переворот, а вовсе не как бы сказать...

В. Д.: А не народную революцию, в этом смысле?

Е. Г.: ...а вовсе не открытие нового мира. Для меня все-таки все, что у меня осталось в этой революции, это было все-таки... это было все-таки преддверье нового мира и что это какое-то открытие.

Так и сейчас. Я и сейчас жду... всегда жду какого-то огромного открытия.

В. Д.: А в Женеве вас кто окружал?

(Гуро не слышит, Дувакин переспрашивает.)

Е. Г.: А-а-а! Просто живущие в этом. Понимаете, мы жили все <нрзб>.

В. Д.: Нет, ну, а профессиональную революционную среду вы знали?

Е. Г.: Самая разнообразная, самая разнообразная, во всяком случае, не рабочая, нет.

В. Д.: С Еленой Дмитриевной Стасовой вы встречались?

Е. Г.: Как же! Как же! Благодаря Елене Дмитриевне Стасовой я получила вот эту квартирку. И я немедленно... Было, значит, так. Мы там жили-жили, но вдруг начали говорить, что дом идет на слом и что все живущие там переселяются просто... не знаю куда. Тогда я вспомнила, что ведь я встречалась с Стасовой, по-хорошему встречалась. Ну, и я взяла ей и написала, что мне очень неловко обращаться, но я поставлена в очень тяжелые условия. Она сейчас же для меня это сделала, очень милое письмо написала. Мой сын ездил ее благодарить. Она после этого о нем очень хорошо отозвалась, что вот, значит «какая ты счастливая, Катя, у тебя такой сын». Ну, мы со Стасовой были в таких... ну, близких, хороших отношениях.

Е. Д. Стасова. 1926 г. Источник: commons.wikimedia.org

В. Д.: Со Стасовой. А вот в то время-то, в революционное, какие у вас были отношения и на какой почве?

Е. Г.: Что-что?

В. Д.: Вот в то, революционное, время, то есть в подполье... какие у вас были отношения со Стасовой и на какой почве?

Е. Г.: А-а-а!

В. Д.: Я никак не пойму, какое вы место в политической жизни занимали, что вы были: к эсерам ближе, к анархистам...

Е. Г.: Нет, что в <нрзб>...

В. Д.: Вот вы вели кружок среди рабочих, пропагандировали рабочим. Что же вы им пропагандировали, с каких позиций? Мне ваша-то, так сказать... ушли в революцию. Ну, все, кто уходил в революцию, куда-то примыкали, к каким-то группам. Значит, вы все-таки примкнули к социал-демократам...

Е. Г.: Вот... вот... вот... стойте, это я сама никогда об этом не думала (?). Но это надо сообразить.

В. Д.: А когда раскололись?

Е. Г.: Видите, я знаю только одно, что из моего генеральского дома меня выгнала... какая-то сила меня выпихнула... Я так поверила в эту силу, потому что я правильно, хорошо сделала, потому что чтобы

со мной не было: голодала я длительно, то, другое, но у меня ни одной минуты... не было минуты, а ведь я могла бы остаться, а ведь я могла бы там верхом ездить, я не знаю, то-то и то-то и одеваться так. Нет, нет. Все было кончено навсегда.

В. Д.: Что кончено, от чего вы ушли — это я понимаю. Но вот к чему вы тогда пришли?.. Вот почему я от вас все добиваюсь... 900-е годы... Понимаете, к чему вы тогда пришли, я никак не пойму. Ну, вы были социал-демократы, был Второй съезд. Мартов и Ленин, по существу, основали две разных партии: меньшевики и большевики. Так вы что, к одной из них примкнули или совсем от социал-демократов отошли, к эсерам, к анархистам... Тогда же это все было... переплеталось.

Е. Г.: Я вам скажу, все-таки, вероятно, я была бы ближе всего к анархистам. И вот... я по тому сужу, что где бы и когда бы я ни была... вот приехала за границу — первое, что я сделала, — это искала анархистов. Очевидно, что-то меня тянуло. А-а-а! Помните, была такая толстенная книга, которая по-французски называлась *Paroles d'un révolté*... как бы по-русски?..

В. Д.: «Записки революционера»? Кропоткин?

Е. Г.: Не-е-ет! Ну, как же эту книгу... эта книга, которая шуму наделала ужасно...

В. Д.: Ну а «Записки революционера» Кропоткина, анархиста?..

Е. Г.: Кого?

В. Д.: Кропоткин, «Записки революционера»? Она как раз наделала шум. Петр Кропоткин. Вождь анархистов.

Е. Г.: А-а-а! Вот-вот-вот. Вот видите, до чего я уже путаю совершенно. Да, совершенно верно, я про Кропоткина-то могу просто забыла. С Кропоткиным я как будто встречалась...

В. Д.: Книжка его по-русски называется «Записки революционера», может быть, по-французски *Paroles de révolutionnaire*⁴?

⁴ «Записки революционера» — автобиографическая книга Петра Кропоткина. Здесь Гуро говорит о сборнике статей, опубликованных Кропоткиным в его газете *Le Révolté* и вышедших под названием «Речи бунтовщика» (*Paroles d'un révolté*).

Е. Г.: Нет, *Paroles d'un révolté* ...одного...

В. Д.: ...одного революционера.

Е. Г. (повторяет): *Paroles d'un révolté*.

В. Д.: Ну ладно, вы очень уже устали, наверное, да? Я вас замучил.

Е. Г.: Нет, я не особенно устала, но я сама удивилась, какая путаница бывает в голове человека, вроде вполне логично, вполне закономерно, как будто так и надо, как будто во мне развивалось, развивалось и вот наконец <нрзб>. Но когда начинаешь все это рассказывать, то выходило, то что-то... То, что вы говорите, это какая-то идеальная история, какие-то моменты.

В. Д.: Да.

Е. Г.: А на самом деле шло как-то иначе, а шло на каких-то... Не знаю.

В. Д.: Вы официально, официально, организационно ни в какой партии не состояли?

Е. Г.: Организационно?.. Вполне возможно, что временно состояла, но состояла просто. Надо же где-то состоять. (*Усмехается.*) <нрзб> Не знаю... Во всяком случае, самое главное во всем моем революционном таком настроении было это чувство приказа. Это был какой-то приказ, который я не могла не выполнить. Это именно приказ. А какой, откуда и чего — я не знаю. Забыто было все. Сказано — и кончено!

В. Д.: Так. Скажите, пожалуйста, а вы, может быть... вот вы ушли из дому очень рано, вам не было... вам было что-то лет семнадцать, так?

Е. Г.: Сколько?

В. Д.: Лет семнадцать.

Е. Г.: Да-а-а! Да, вот это верно.

В. Д.: Вот. Но потом, после этого, когда умирала сестра... Вообще вы дома бывали?

Е. Г.: А, понятно, ради сестры. И я без нее... Ей трудно было, а мне без нее еще труднее.

В. Д.: С отцом вы не помирились потом? Ведь он, наверное, был очень обижен.

Е. Г.: Да, я не знаю... Но отец-то ко мне, несмотря ни на что, я скажу, хорошо относился. Вот это, вероятно, меня тоже мучило, но что тут было делать. Нет, отец ко мне хорошо относился.

В. Д.: А вы не жили потом с семьей снова?

Е. Г.: Потом что?

В. Д.: Вы вторично не вернулись, вы не жили потом в семье?

Е. Г.: Нет, нет.

В. Д.: Когда уж вам было лет тридцать.

Е. Г.: Нет. У нас было только одно. Ведь у моей матери было имение...

В. Д.: На Волге.

Е. Г.: У нас нет, это здесь было, станция Новоселье по Варшавской железной дороге, вот где было, наше маленькое такое имение, называлось Починок. И вот для меня был ужасающий вопрос, что моя сестра Лена, она так любила именно землю, она без этого Починка жить не могла, а в то же время моя старшая сестра <нрзб>, спекулянт целый, нет, я не знаю, как назвать: это человек, для которого выгода, выгода — это все. И как она... не знаю... я ее ненавидела. (*Смеется.*) Она...

В. Д.: Да, это вы говорили, что она отобрала... не пустила даже Лену в это имение.

Е. Г.: Да, но, конечно (*усмехается*), ни к Ленину, ни к Мартову, ни к революции это никакого отношения не имеет.

В. Д.: Да. Екатерина Генриховна, ну, сейчас я, пожалуй... чувствую, что я очень вас утомил. Мы уж... Я уже сижу у вас два с половиной часа.

Е. Г.: Я, собственно, очень всегда приветствую, когда меня как бы встряхнут, но в данном случае я не особенно довольна. Мне показалось, что вот, когда меня встряхнули, так из меня какая-то дрянь полезла. Я не уверена...

В. Д. (*усмехается*): Вот. Я сейчас, пожалуй, закончу, еще немного... магнитофон... тем более, что я очень расстроен. У меня сегодня с вами получилась очень большая неудача, очень большая, просто драматическая. Я вам скажу сейчас. Так как мы вначале пробовали одно, другое — не получается, потом третий раз, и я в конце концов устал сам и, уставши, запутался, нажал не ту кнопку, так что значительная часть нашего разговора одновременно стирала часть уже в прошлом записанного. Причем, по-видимому, я это уж буду проверять дома, сейчас уже... самую для меня драгоценную...

Е. Г.: А именно?

В. Д.: Нашу вторую беседу, в которой вы мне так хорошо рассказали о Маяковском, о костре... Вообще, это лучшая была беседа, и вот в ее середине... ну, представьте себе, что вы писали, а потом снова по этому месту. Вот. Я сегодня добился мало, а старое испортил, часть. (*Гуро смеется.*) Для меня это просто травма. Вот. Сейчас я кончаю и сейчас в ближайшее время вас больше беспокоить не буду. Ну, может быть, через

месяц еще я к вам приду. Я вас прошу... во-первых, все-таки я буду очень рад вам помочь записать то, что у вас в голове, но, хоть мне и очень стыдно старого человека заставлять работать из-за моей небрежности, но я буду вас... с вами... еще приду... просить вас разговаривать о том же, о чем мы уже говорили — о Маяковском. Понимаете? Мне нужно будет это восстановить. Но я уж это сделаю немножко к весне поближе. Вы меня поняли?

Е. Г.: Поняла-то — поняла, но ведь...

В. Д.: Ну, конечно, мы не можем восстановить в точности то, что было. Но вы просто мне еще раз, может быть, даже лучше, расскажете. И мне очень... Я основные моменты помню: сначала кузнечик... Кажется, кузнечик не стерся, потом костер, потом отношения... третий образ... с футуристами...

Е. Г.: Потом что?

В. Д.: Отношения внутри... с группой футуристов: с Матюшиным, Крученыхом... Маяковский и Матюшин, Маяковский и Крученых, Маяковский и Гуро. А о Хлебникове — это уже на другой дорожке. А сейчас, давайте, мы закончим. Я просто, так сказать, сегодня запутался. Я тоже проявил чудовищную, преступную неуклюжесть. Я, понимаете? Очевидно, заразился. (*Смеются оба.*) Но я на вас не сваливаю. Это я уж так пошутил. Ну, спасибо вам, простите, что так вас замучил. На этом я сегодня кончаю.